

Мусий В.Б.

«СВЕТОСЛАВИЧ, ВРАЖИЙ ПИТОМЕЦ» А.Ф.ВЕЛЬТМАНА КАК РОМАН–МИФ

Роман А.Ф.Вельтмана «Светославич, вражий питомец», остается до сих пор одним из наименее изученных историками литературы. Довольно разноречиво и определение его жанровой специфики. Выделяя в нем в качестве основного ядра синтез исторического, этнографического и этимологического, О.М.Шарыпкин обозначает его как роман «филологический» [6, с.187]. В.И.Калугин относит «Светославича...» к жанру романа-сказки [4, с.7]. О.Н.Щалпегин определяет его как роман исторический, но одновременно указывает на его оригинальность. «Экспериментальные исторические романы писателя, – пишет он, – являются поистине уникальным жанровым образованием...» [7, с. 148]. Не менее показательной для этого романа является и мифологическая составляющая. На точность А.Ф.Вельтмана не только в следовании историческим документам, но и в реконструкции древней мифологии, указывает, в частности, А.П.Богданов [1, с.464–471]. По его мнению, интерес автора «Светославича...» к событиям прошлого, а также особенностям мировидения наших предков был обусловлен, в первую очередь, тем, что А.Ф.Вельтман был не только писателем, но и профессиональным филологом. Не менее важную роль здесь сыграла романтическая установка на поиск модели идеального мироустройства. «Именно в истории, – пишет Н.А.Соловьева о романтическом герое, – он находит надежную защиту национальной идентичности, неповторимости и оригинальности своей нации. Восстав против универсального просветительского историзма, романтики реконструируют национальное прошлое, апеллируя к фольклору, к сказкам и легендам, балладам и сказаниям. [5, с.19]. Близкую точку зрения высказал и В.И.Калугин, увидевший в соединении романтиками, и А.Ф.Вельтманом в том числе, истории с фольклором тот «национальный элемент», который составил центр их теории и практики [4, с.7]. Добавим, что романтики, как известно, не только усваивали традиционные фольклорные мотивы и образы, а через них – и мифологию этноса, но и сами занимались мифотворчеством, ориентируясь на архетипическое. В значительной степени и «Светославич, вражий питомец» может быть рассмотрен как авторский миф. Именно под таким углом зрения мы и хотели бы представить его в нашей статье. На наш взгляд, к категории авторского мифа может быть отнесено такое произведение, в котором миф выступает в качестве структурообразующего ядра и определяет характер воссоздания и авторскую модель действительности в нем.

Постараемся решить вначале, в какой степени мифологическое в этом романе отражало авторскую концепцию действительности. Представляя А.Ф.Вельтмана «предтечей *fantasy* – феномена беллетристики XX столетия», О.Н.Щалпегин видит основу уникальности жанра «Светославича, вражьего питомца» в «мифологической концепции бытия» их автора. «Культурологическая концепция Вельтмана, – пишет он, – вполне завершенная и замкнутая, поскольку строится она на жесткой мифологической основе» [7, с.147]. Суть поставленной писателем задачи, по мнению этого исследователя, заключается в следующем: «Вельтман пытается проследить естественную, провиденциальную, по его убеждению, духовную эволюцию человечества, идущего от архаических верований «праэпохи» через расколы к единой вере» [7, с.149]. Итак, А.Ф.Вельтман создает роман-миф. Миф, скорее всего, космогонический, о превращении Хаоса в Космос. Как правило, содержание космогонии заключается в воссоздании процесса организации мира, его перехода от состояния разобщенности, неупорядоченности всех элементов Вселенной к гармонии, сакральному порядку. Проявлением Хаоса в данном случае является языческое, то, что позволяет Нечистой силе управлять миром. Противостоит же ей христианское, которое постепенно, с временными отступлениями и поражениями, но все же неуклонно утверждается не только в природе, обществе, но и, что самое важное, в душе отдельного человека. Отсюда – соотношение линейности и замкнутости движения действия в романе. С одной стороны, начало и конец в нем абсолютно совпадают. Вот как представлен мир перед тем, как князь Святослав в споре с женой произнесет роковые слова: «Над Киевом черная туча. *Перун-Трешица* носится из края в край, свищет вьюгою, хлещет молоньей по коням. ... Ломится небо, стонет земля, жалобно плачет заря-вечерница... Шумит Днепр, ломит берега, хочет быть морем. Крутится вихрь около *дул-самогуда* у Княжеских палат, на холме; проснулись Киевские люди; ни ночи, ни дня на дворе; замер язык, онемела молитва...» [3, с.234]. В споре князя с его женой относительно имени будущего сына силу одерживает языческое: княгиня предлагает «Свенское-крещеное» Скиольд, а князь «хочет звать Туром» [3, с.235]. Непосредственно в самом слове, которым обозначался дикий бык и которое часто в летописях и фольклорных произведениях прибавлялось к имени воина для подчеркивания его неистовости в сражении, не содержится негативного. Однако, скорее всего, в данном случае оно имело знаковый характер, поскольку отражало не преодоленную до конца синкретическую связь человека с природным, животным, что, безусловно, противоречило христианскому пониманию его как созданного по образу и подобию Божию. Встретив же сопротивление жены, Святослав восклицает: «Провались, утроба твоя!», забыв, вероятно, что за произнесением рокового пожелания непосредственно последует и его осуществление. Ведь слово (идеальное) и событие (реальное), с точки зрения мифологического типа мышления, тождественны. Начальные строки предпоследнего абзаца завершающей роман двенадцатой главы как будто возвращают нас к этой исходной ситуации: «А над Киевом туча, как черная полость, завесила ясное ночное небо; вдали прокатился Перун–Трешица из края в край, засвистал вьюгою, захлестал молоньей. Шумит Днепр, ломит берега, хочет быть морем. Крутится вихрь около дулла-самогуда у Княжеских палат, на холме. Потухли *Лиры*, бегут Киевские люди по домам...» [3, с.367]. Однако эта замкнутость преодолевается последующим сообщением об окончательном утверждении христианства.

Правда, организация космического порядка сопровождается сопротивлением демонических сил. Читатель узнает, что в какой-то момент первоначальный Хаос был преодолен, и в мир пришла красота, которую «воспевали» «певцы крылатые, а человек «жадно, внимательно слушал ее плавные речи». Но это установление порядка не было прочным, поскольку нечистая сила, заключенная «при создании мира в недрах земли», выжидала, когда можно будет попытаться возратить себе власть. Наконец «ржа» «переела оковы», и «духи злобы» «прорвали 77 000 слоев земли» и вырвались на «Белый свет» [3, с.239]. В начале романа нечисть и впрямь имеет основание ликовать: проклятие, произнесенное Светославом, дает ей право проникнуть в княжеский терем и похитить душу еще не родившегося сына. Завершается же роман тем, что, наступает конец ее всесилию. Хотя филин и вещает будущее раздолье, видя, что Светославич направляется к Омуту с черепом, то есть, исполнив повеление демонических сил, оказывается, кикимора идет к водной стихии (стихии первотворения, изначального Хаоса), чтобы навсегда в ней сгинуть. И если в первой части романа происходящее определяют слова проклятия, в завершающих роман фрагментах звучат слова молитвы и нового, уже христианского, именованья народа Русского. Тем самым устанавливается его новая жизнь, его преображение: «...и Епискуп Греческий разделил народ на многие полки и дал каждому полку имя крещеное, и погнали первый полк в воду в Днепр, и читал Епискуп молитву, возглашая: «Крещаются рабы божины Иваны!» [3, с.368]. Вновь идет речь о водном пространстве. Но это не отгороженный от мира Омут с «мертвой», неподвижной водой как средой обитания нечисти. Крещение происходит в пределах реки Днепр, которая содержит в себе сакральное – то, что приобщает людей к единому Богу. Как видим, в романе преобладает линейное движение сюжета.

Известно, что в качестве идеального состояния, которое позволяет личности наиболее полно раскрыть себя и испытывать счастье пребывания в мире, романтики представляли его гармоничность. Поэтому Хаос в романе А.Ф.Вельтмана отождествляется с раздором между людьми, враждой между стихиями. В состоянии разлада пребывают природные объекты: «Ломится небо, стонет земля, жалобно плачет заря–вечерница: попалась навстречу Перуну, со страха сосуд уронила с росой, – разбился сосуд, просыпался жемчуг небесный на землю» [3, с.234]. Враждуют люди. «Смута идет в волостях; – сообщает повествователь, – ездят гонцы двух Князей, повсюду размирье. «Какой ты веры?» – спрашивают люди друг у друга и ведут брань и ссоры» [3, с.355]. Нет единства и внутри семей. Завязку действия представляет ссора князя Светослава с женой. Центральное историческое событие в романе – противостояние братьев Ярополка и Владимира. Но нет единства и в душе человека. Кикимора в романе (если придерживаться мифологического комментария происходящего) – проклятое в утробе дитя, похищенное нечистой силой и призванное утвердить ее власть над всем миром. Но если попытаться дать психологический комментарий, то в романе идет речь о постепенном формировании Владимира как будущего князя–крестителя Руси, прозванного Красным солнышком. Уже и в начале во время ритуальных действий в храме Волоса в Новгороде князь старается отвратить «взоры от обета», от «бедного агнца» на жертвенном камне и лишь прикасается «устаи к ковшу» [3, с.249–250]. Но пока еще он свой выбор между языческим, в которое был погружен его отец и которому предан брат Ярополк, и христианским не сделал. Окончательное же его решение совпадает хронологически с событиями, происходящими в Киеве: убийством Ярополка, попыткой принесения в жертву Марии и других христиан. Именно тогда разувверившийся в искренности людей кикимора решает навсегда покинуть земной мир. В таком случае Светославич – это второе, «черное» «я» героя, от которого ему необходимо очиститься.

М.Н.Бойко видит в присутствии мотива двойничества в романах А.Ф.Вельтмана проявление авторской концепции бытия, осмысляемого как «ряд потрясений, внезапных происшествий». «Вообще, – пишет исследовательница, – в его манере письма ощущается переизбыток свежих сил, фантазии, жажды формотворчества. Поэтому история капризной и прекрасной Зои, которой никак не удается выбрать себе жениха («Сердце и Думка»), превращается в сюжет об автономном существовании души и разума героини, выпущенных на свободу и кочующих из одной человеческой телесной оболочки в другую» [2, с.103]. В подобном характере отображения «сложности человеческой природы», имеющем иногда «нарочито механистичный» характер, М.Н.Бойко видит проявление влияния на писателя средневекового представления о человеке «как о сосуде, куда поступают откуда–то извне добродетели и грешные помыслы» [2, 109]. Особенности мотива двойничества в романах А.Ф.Вельтмана, по мнению этой исследовательницы, одновременно и сближают писателя с другими романтиками, и свидетельствуют о его отличии от них. «Романтизм, – подчеркивает М.Н.Бойко, – усматривал в двойничестве катастрофический удар по человеческой индивидуальности, по своеобразию и неповторимости каждой личности. Двойник выступал как мистический вор и самозванец. ... У Вельтмана никто не покушается на личность, не пытается вытеснить из жизни оригинал. ... Внутренне каждый остается при своем и при себе, но обретает лишь еще одну роль, на время заимствует общественный статус» [2, с.116]. Повторим, что речь в данном случае идет о романах А.Ф.Вельтмана о современном ему «житейском море». Однако, и в переносящем читателя в эпоху далекой древности «Светославиче, враждем питомце», мотив двойничества заключается в наделении кикиморы именем и «общественным статусом», ему не принадлежащими. А.П.Богданов объясняет эту сторону романа главным образом художественной задачей его автора, а именно – необходимостью не только показать князя Владимира Красное солнышко в разных его проявлениях и тем самым преодолеть одноплановость его характеристики историками [1, с.463], но и дать художественное оправдание ряду его вероломных деяний [1, с. 464; 467; 471]. И в данном случае А.Ф.Вельтман, безусловно, занимался мифотворчеством, заставляя совершать низкие поступки двойника князя, Светославича.

Раздору, который сеет демоническое, противостоят христианские силы. Сообщается, что апостол Андрей Первозванный, «учитель Святого слова», угомонил нечисть, прогнав ее со священного холма. Но она

не отступила. В центре романа – решающий момент в противостоянии inferнального и сакрального. Для победы, чтобы «выжить с места крест и овладеть своим древним станом», нечистой силе понадобилось «людское детище»: «...взрастет, будет неизменным пророком лжи и неправды, восстановителем старых уставов Белбоговых, поклонником тления...», – думала Нечисть [3, 243]. Однако все свидетельствует о том, что приближался момент окончательного поражения демонического. Даже кикимора, проклятый ребенок, выращенный нечистью, узнав о своем предназначении, отправляется в путь, чтобы исполнить его не потому, что осознает необходимость воцарения языческого в мире, а лишь в надежде на обретение любви прекрасной девицы, увиденной им в тереме. Убедившись же, что в земном мире нет ничего настоящего, он бросается в Омут. Владимир же завершает процесс перехода к целостности мира. Роман заканчивается установлением порядка, гармонизацией человека, отношений между людьми и организацией природного. Это и составляет суть космогонии.

Источники и литература

1. Богданов А.П. Александр Вельтман – писатель–историк // Вельтман А.Ф. Романы. – М.: Современник, 1985. – С.458–481.
2. Бойко М.Н. А.Ф.Вельтман: общеевропейская авантюризм повествования и российская специфика героя // Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. – С-Пб.: Дмитрий Буланин, 2005. – С.102–126.
3. Вельтман А.Ф. Романы. – М.: Современник, 1985. – 524 с.
4. Калугин В.И. Романы Александра Вельтмана // Вельтман А.Ф. Романы. – М.: Современник, 1985. – С.5–21.
5. Соловьева Н.А. XIX век: романтическое сознание эпохи // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2001. – № 1. – С.7–22.
6. Шарыпкин Д.М. Скандинавская тема в русской романтической литературе (1825–1840) // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. – Л.: Наука, 1975. – С.148–198.
7. Щалпегин О.Н. Мировоззренческая и мифологическая основа романов А.Ф.Вельтмана // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX вв. как явление европейской культурной жизни. Материалы международной научной конференции, посвященной 80–летию Е.А.Маймина. – Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. – С.144–150.

Наимова Е.А.

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДЕЛОВОМУ ПИСЬМУ

Большинством исследователей деловое письмо рассматривается как важное средство коммуникации, основной целью которой является установление и налаживание деловых отношений, контактов между предприятиями, организациями и т.д. [1, 4, 5, 6, 9, 10]. Предприятия и организации заинтересованы не только в информировании потребителей о видах производимых ими товаров и услуг, но и в их сбыте. Следовательно, цели и задачи коммуникации в предпринимательской деятельности не ограничиваются простой констатацией, сообщением фактов (даже в сопроводительных письмах), они состоят в подведении адресата с помощью логического, четкого, убедительного изложения к желаемому для отправителя действию, поступку.

Отправитель информации в процессе коммуникативной деятельности в области экономики, торговли, менеджмента и маркетинга не только сообщает адресату некоторый объем информации, но преподносит ее так, чтобы вызвать у него определенную реакцию, подводит адресата к желаемому для отправителя решению. Исходя из этого, тексты деловых писем должны представлять собой императив в области речевого акта (действуй!) в противоположность индикативу обычного двустороннего общения (знай!). И вообще вся стратегия письменной коммуникации в предпринимательской деятельности должна быть четко сориентирована на результат.

Специфика текстов деловой корреспонденции заключается в обслуживании людей (в лице которых могут выступать предприятия, фирмы и т.д.) по вопросам экономического, финансового характера. Однако деловое письмо – это еще и юридический документ. В предпринимательской деятельности один из партнеров продает что-либо, предлагает свои услуги, другой покупает, принимает услуги, т.е. одновременно оба берут на себя определенные обязательства, например: продавец – изготовить и вовремя поставить товар, а покупатель – своевременно произвести все расчеты с продавцом. Текст, фиксирующий данное соглашение, становится юридическим документом (обе стороны по контракту могут быть привлечены к ответственности за совершенные речевые действия). Таким образом, тексты деловых писем, являясь документами (в отличие от частной корреспонденции), характеризуются определенной спецификой и в их оформлении в силу того, что язык документации требует, прежде всего, точности и невозможности каких-либо кривотолков.

Для того чтобы деловое письмо достигло предположенной цели и не имело бы нежелательного результата, необходимо хотя бы в общих чертах знать особенности языка и стиля современной корреспонденции и основные требования, предъявляемые к ней. На язык деловой переписки распространяются законы составления служебных текстовых документов в целом в рамках официально–делового стиля речи [7, 8]. Этот стиль имеет свои специфические отличия от разговорной речи и других стилей литературного языка. Если в